

Т.Г. Логутенкова

*Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова (г. Москва)
Тверской филиал*

**«ПРОСПЕКТИВНАЯ» ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ
“PROSPECTIVE” GRAMMAR OF CONTEMPORARY ENGLISH:
TERMINOLOGY PROBLEMS**

Ключевые слова: грамматика современного английского языка, проспективная грамматика, грамматическая терминология

Keywords: grammar of Contemporary English, prospective grammar, grammatical terms

Хотя совмещение двух слов «проспективный» и «современный» в наименовании исследовательского похода к грамматике английского языка может показаться нелогичным, именно такой ракурс, на наш взгляд, позволяет освободиться от влияния так называемых «традиционных» подходов к изучению грамматического строя английского языка. Эти подходы, связанные с убеждением о германской аутентичности английского языка, либо представляют грамматику современного английского языка как результат плавной эволюции грамматического строя англосаксонского языка вполне в духе О.Есперсена (Jespersen, 1949), либо используют грамматические термины, созданные для описания иного грамматического строя (главным образом, латинского языка) вопреки реальным языковым фактам, ср. «...most of the grammatical terms ..., is not unique to the grammar of English but is applicable to a good number of languages» (Huddleston, 2007: 7). Настаивая на обозначении нашего подхода как проспективного, мы стремимся подчеркнуть, как минимум, два обстоятельства:

- во-первых, самодостаточность грамматики современного английского языка, которая является результатом резких преобразований под воздействием социолингвистических факторов, а именно, изменения способа существования англосаксонского языка в связи с норманнским завоеванием Британских островов и, как следствие, в условиях диглоссии в терминах Б.А.Успенского (Успенский, 1983) пиджинизации и креолизации английского языка, превратившегося фактически в германо-романский гибрид;

- во-вторых, возможность установить перспективы развития грамматического строя современного английского языка на основе адекватного его природе описания.

Существует и третье обстоятельство, которое заставляет пересматривать сложившиеся параметры грамматического исследования. Грамматический строй традиционно описывался в терминах морфологии (как грамматического учения о слове) и синтаксиса (как грамматического

учения о словосочетании и предложении) и, следовательно, рассматривался только с точки зрения системной организации языка, при этом реальное функционирование грамматических форм слов и моделей предложений оказывалось вне поля зрения грамматистов. Актуализация грамматического строя в речи являлась сферой изучения семасиологии, тогда как под грамматическим значением понимался некоторый инвариант, далеко не всегда наблюдаемый в реальных речевых произведениях. С одной стороны, невнимание к реальной семантике грамматических форм и моделей предложений и словосочетаний порождает упреки в схематизме грамматических исследований, а с другой, традиционные термины превращаются в условные обозначения, которые не проясняют грамматические феномены, а еще больше усложняют их понимание и интерпретацию, а также исключают из рассмотрения живую реальность английского языка. Так, Р.Хаддлстон отмечает несоответствие значения термина *past* ('действие, состоявшееся в прошлом') в обозначениях временных форм фактической семантике этих форм в речи и в качестве иллюстрации предлагает две группы примеров, где «определение работает» (1 группа примеров) или «определение не работает» (2 группа примеров):

- 1) *The course started last week.*
If he said that, he was wrong.
I offended the Smiths.
- 2) *I thought the course started next week.*
If he said that, she wouldn't believe him.
I regret offending the Smiths.

В первой группе примеров формы прошедшего времени на самом деле обозначают действия, совершенные в прошлом, тогда как во второй группе примеров формально сходные формы обозначают действия, которые не были совершены в прошлом (Huddleston, 2007: 6).

Несоответствующим реальным значениям грамматических форм Р.Хаддлстон считает и термин *imperative*, основное значение которого, связанное с понятием 'команда', не охватывает весь спектр значений, выражаемых формами так называемого *Imperative Mood*. Р.Хаддлстон предлагает заменить *imperative* на термин *directive*, который, по его мнению, является более широким и включает значения 'команда' (*Get out!*), 'предложение' (*Have a pear*), 'просьба' (*Please, pass me the salt*), 'приглашение' (*Come to dinner*), 'совет' (*Get your doctor to look at it*), 'инструкция, рекомендация' (*To see the picture click here*). Но даже в этом случае «определение работает» далеко не всегда, например: *Sleep well* – это пожелание 'Доброй ночи', которое выходит за пределы семантики *directive* (Ibid.).

Еще один пример неудачного термина – это обозначение действия, завершившего до настоящего момента термином, в составе которого используется слово *present* (*Present Perfect Tense*), ср. *I have written a letter*. Очевидно, что название грамматической формы обусловлено ее

формальными признаками и, фактически, не имеет отношения к ее реальной семантике.

Список подобных терминологических несоответствий не ограничивается приведенными примерами. Следовательно, новый подход к описанию грамматического строя современного английского языка предполагает, как неизбежность, формирование новой терминологической системы. Новая терминологическая система, отнюдь, не является абсолютным отрицанием всех предшествующих наработок, но потребует от нас ряд действий:

- отказ от традиционных терминов,
- переосмысление традиционных терминов,
- введение новых терминов.

Отказ от традиционных терминов - самое радикальное, но необходимое действие, так как нет смысла в использовании терминов, которые утратили актуальность для описания грамматики в связи изменением не только грамматического строя, но и типологических характеристик современного английского языка по сравнению с предшествующими периодами его истории. Англосаксонский язык был отчетливо флективным и синтетичными: в нем широко использовалась фузионная суффиксация и внутренняя флексия. Для типологической характеристики современного английского языка, решающее значение имеет вопрос о том, стало ли результатом редукции среднеанглийского периода обеднение инвентаря флексий, или «сохранилась лишь субстанция прежних флексий, а сами они вошли в новую, преобразованную систему языка в качественно иной роли — и тогда английский язык, лишенный флексий, приобрел новую типологическую характеристику» (Плоткин, 1989: 28).

Далее приведем еще несколько примеров необходимых, с нашей точки зрения, изменений грамматической терминологии современного английского языка, который основывается на исследованиях, проведенных на принципах «перспективной» грамматики современного английского языка. Результатом этих исследований стали описания новых грамматических явлений и категорий.

1) Представляется необходимым существенно пересмотреть использование термина *переходность* (или *транзитивность*) при характеристике английских глаголов. Под переходностью традиционно понимают беспредложное управление глагола с прямым дополнением. Для флективных языков, в которых есть категория падежа, в определение включается характеристика прямого дополнения в форме винительного падежа. Во-первых, изменения грамматического строя современного английского языка привели к фактической утрате категории падежа существительных или, по меньшей мере, ее радикальной перестройке. Во-вторых, традиционная интерпретация *переходности* является морфологически релевантной для такого языка, как русский, где различие между переходными и непереходными глаголами связано с

(не)возможностью образования формы пассива. Но в английском языке жесткая связь пассивного залога с переходностью не прослеживается. Попытки заменить классификацию английских глаголов по признаку переходности на классификацию по признаку 'объектности' (наличие/отсутствие объектного дополнения) или 'предложности' (наличие/отсутствие беспредложного дополнения, ср. понимание переходности, как способности глагола управлять беспредложным дополнением не решают проблемы, так как в пассиве могут использоваться и глаголы с предлогами, например: *The child is looked after.* В связи с произошедшими изменениями грамматической системы английского языка М.Я.Блох вводит термин **комплементивность** (способность присоединять другие слова, т.е. валентность глагольной лексемы) как адекватный для классификации английских глаголов, последовательно выделяя

некомплементивные глаголы: личные (*work, grow, scatter*) и неличные (*rain, snow, freeze*),

комплементивные глаголы:

предикативные (*appear, look, taste*),

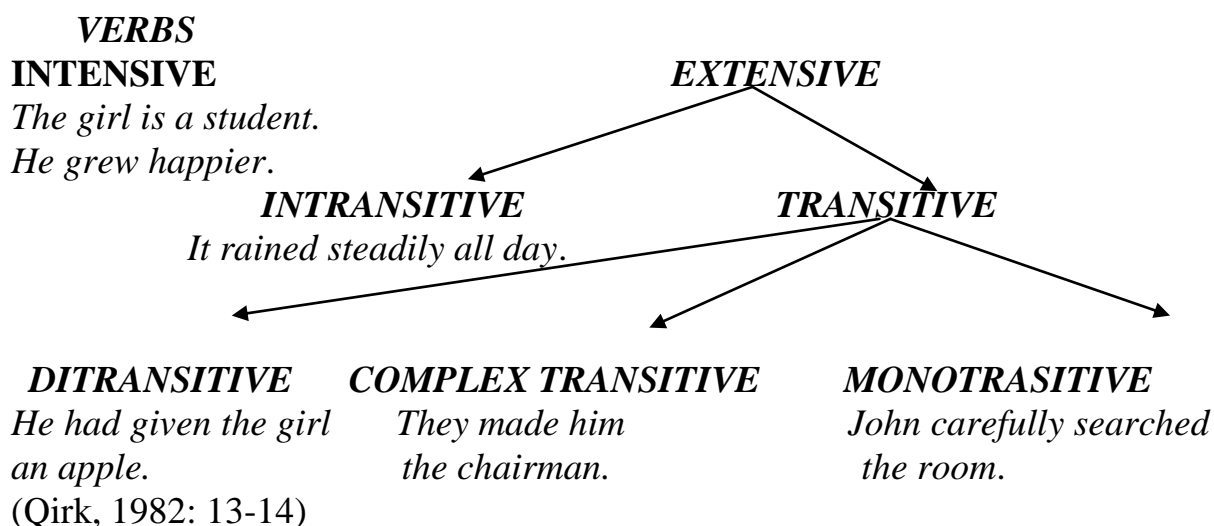
адвербиальные (*live, stay, go* – с расширениями в виде обстоятельств места и времени; *keep, behave* – с расширениями в виде обстоятельств образа действия);

объектные, которые делятся на

монокомплементивные объектные (*grasp, forget, enjoy*)

бикомплементивные (*give, bring*) (Blokh, 1994: 97-98)

Рассуждения М.Я.Блоха обнаруживают сходство с классификацией английских глаголов по признаку «переходности» Р.Кверка, ср.:

Однако отказ от традиционного термина **переходность** (транзитивность) и замена его новым термином **комплементивность** представляется более логичным, учитывая все вышеизложенное о нерелевантности «переходности» для описания грамматической системы современного английского языка.

2) Вероятно правомерным завершением споров о грамматическом статусе формы *noun's* будет отказ от термина *падеж* при описании английских существительных. Невозможно проследить эволюционную связь формы *noun's* с формой родительного падежа англосаксонских существительных, так как флексия *-(e)s* присоединялась только к а-основам существительных, а в современном английском языке форма *noun's* скорее связана с различием существительных по признаку (не)одушевленности. Так, Р.Кверк, сопоставляя возможности существительных образовывать формы *noun's* с классификацией английских существительных по грамматическому роду, приходит к выводу о зависимости этой возможности именно от группы по грамматическому роду (Quirk, 1982: 82). Следует, однако, заметить, что использование термина *грамматический род* в данном случае далеко от традиционного. Под признаками грамматического рода Р.Кверк понимает не отнесение существительного к тому или иному типу склонения (склонения утрачены в результате коренной перестройки словоизменения существительных под воздействием редукции грамматических флексий), а возможности замены существительного «чувствительными к роду» личными и вопросительными/относительными местоимениями, например: *baby – he, she, it, who, which; doctor – he, she, who; woman – she, who; table – it, which; cow – she, it, who, which* и т.п. Таким образом, выделяются десять грамматических родов, которые связаны с делением существительных на (не)одушевленные (Quirk, 1982: 81). Главным образом одушевленные существительные способны образовать форму *noun's*. Вероятно, именно поэтому эта форма получила название *possessive case* (притяжательный падеж). Вместе с тем, это название нельзя признать удачным, так как значения формы *noun's* значительно шире значения ‘притяжательности’, ср. *a women's college, a summer's day, a doctor's degree* – значение ‘описательного генитива’, *ten days' absence* – значение ‘генитива меры’ (Quirk, 1982: 95). Формант ‘s может присоединяться не только к существительным, но и оформлять целую фразу (*the blonde I had danced with's name – J.Salinger* (Плоткин, 1989: 143)), что невозможно для собственно падежной формы. Вместе с тем, как видно из приведенных примеров, образование формы *noun's* выходит и за пределы одушевленных существительных, следовательно, все упомянутые выше объяснения не являются адекватными. В.Я.Плоткин полагает, что противопоставление форм *noun/noun's* демонстрирует ограничение/неограничение референции определяемого существительного, ср. *the family meeting u family's meeting, the Clinton administration u Clinton's administration*, и предлагает называть форму *noun's* *лимитативом*. Хотя В.Я.Плоткин продолжает называть форму *noun's* падежом, логично ввести новый термин *категория лимитатива*, зафиксировав таким образом произошедшие в грамматической системе английского существительного радикальные изменения.

3) Термин *неопределенный артикль* утрачивает свое значение, если мы отказываемся от противопоставления определенный артикль vs неопределенный артикль. Артикли – это явление не уникальное, однако «артиклевые» языки могут использовать артикли по-разному, в зависимости от потребностей собственной грамматической системы. Традиционная оппозиция так называемых определенного и неопределенного артиклей в современном английском языке держится на целом ряде условных допущений. Так, значение неопределенного артикля, прописываемое в грамматиках как ‘генерализация’, является явным противовесом значению ‘индивидуализации’ у определенного артикля, тогда как в значении ‘генерализации’ могут использоваться оба артикля, ср. *A tiger is a dangerous animal* и *The tiger is a dangerous animal*, *A German is a good musician* и *The German is a good musician* (Quirk, 1982: 68). Оппозиция определенного и неопределенного артиклей, основанная на их функционировании, также оказывается сомнительной, поскольку определенный артикль может сочетаться со всеми классами существительных, тогда как неопределенный только с исчисляемыми существительными в единственном числе. Эти и прочие проблемы снимаются, если отказаться от традиционной оппозиции определенного и неопределенного артиклей. Так называемый определенный артикль входит в обширную группу детерминативов, тогда как так называемый неопределенный артикль участвует в формировании «категории единичности» (Соколова, 2006), которая конституируется оппозицией трех категориальных форм английских существительных:

- *N* (обозначение некоторого абстрактного понятия)
- *a N* (в значении дискретного единичного объекта действительности)
- *Ns* (в значении множества дискретных объектов действительности)

Такое рассмотрение артиклей в современном английском языке предлагает логичные объяснения традиционных исключений (*go to school, go to hospital, husband and wife*, др.) или «необъяснимых» примеров из художественной литературы (*a charming husband and wife* – А. Christie), а также избавляет от необходимости составлять списки английских существительных, которые могут быть то исчисляемыми, то неисчисляемыми (*beauty – a beauty, difficulty – a difficulty*, т.п. – Quirk, 1982: 61).

4) Традиция споров о грамматическом статусе категориальной формы будущего времени могла бы завершиться признанием новой конфигурации грамматической категории времени в современном английском языке, как противопоставление четырех категориальных форм – настоящего, прошедшего, будущего по отношению к настоящему, будущего по отношению к прошедшему. При этом, несмотря на вполне реальную формальную основу, а именно, наличие большего количества так называемых форм ‘будущего в прошедшем’ у целого ряда глагольных средств выражения будущего времени – *should/would+Inf.*, *was/were going*

to+Inf., *was/were (about) to+Inf.*, такая конфигурация основана не на формальном, а на семантическом противопоставлении всех средств выражения времен. Следствием этого оказывается, с одной стороны, более сложное описание видовременных характеристик английского глагола, а с другой, более точное описание реального функционирования средств выражения времени в современном английском языке, связанного, в том числе, и с эволюцией пространственно-временных представлений человека об окружающем его мире. В рамках грамматической категории времени формируются подкатегории, основанные на семантической дифференциации средств выражения времени, например, объективное будущее vs субъективное будущее, модальное будущее vs нейтральное будущее и т.д. (Селезнева, 2015).

В заключение заметим, что все действия, направленные на совершенствование терминологической системы для адекватного описания грамматического строя современного английского языка, должны быть произведены крайне осторожно. Терминология, и лингвистическая терминология в том числе, представляет собой систему взаимосвязанных элементов, поэтому изменения элементов не могут не отразиться на характеристиках всей системы. Вместе с тем, мы не стремимся к немедленным преобразованиям всей системы, а вынуждены проводить кропотливую работу на отдельных участках грамматического строя, чтобы не утратить достижений предшествующих поколений исследователей, наблюдавших за развитием английского языка. К подобному же выводу приходит и Р.Хаддлстон, рассуждая о недостатках традиционных терминов и возможностях исправления терминологии, он, тем не менее, предлагает сохранить традиционные термины как проявление универсальности грамматических описаний, но отличать уровень «общего» (универсального) грамматического описания от грамматического описания, специфического для данного языка (Huddleston, 2007: 7).

Литература

1. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. – М.: Высшая школа, 1994. – 381 с.
2. Huddleston R., Pullum G.K. A Student's Introduction to English Grammar. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 320 p.
3. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. – Heidelberg: Carl Winter's Universitatsbuchhandlung, 1922. – 486 p.
4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. – М.: Высшая школа, 1982. – 247 с.
5. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с.
6. Плоткин В.Я. Строй английского языка. - М.: Высшая школа, 1989. – 241 с.

7. Селезнева О.Н. Дифференциация средств выражения будущего времени в современном английском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Тверь, 2015. – 192 с.

8. Соколова А.Ю. Развитие семантики единичности у неопределенного артикля в истории английского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2006. – 214 с.

9. Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. - М.: МГУ, 1983. – 144 с.

(0,5 п.л.)